

Вернувшись к себе, Дин Тянь первым делом проверил съестные припасы. На обустройство тюремных камер он отвёл себе месяц. Разумеется, селить помощников в казематах он и не думал — всё-таки родня, а не колодники.

Лучше устроить их на постоялом дворе. Постояльцев там сейчас всё равно почти не водилось, а общие нары у тёплой печи были так велики, что места с лихвой хватило бы на целую артель.

Обедать им тоже стоило там же. Не тащить же родственников на казённые харчи в тюрьму — примета плохая, ещё, чего доброго, навлекут на себя беду.

Самому Дин Тяню многого не требовалось: сварить чашку риса, бросить на сковороду пару ломтиков вяленого мяса да обжарить с квашеной капустой — вот и сыт. А вот для гостей придётся всё покупать.

К счастью, середина месяца уже миновала, и скоро должно было прийти новое жалованье. На этот раз юноша твёрдо вознамерился разузнать, как обстоят дела с его собственным довольствием. Негоже главному тюремщику кормиться исключительно за свой счёт! Обещали ведь и стол, и кров, а на деле вышло, что живи как знаешь, да ещё и казённые помещения ремонтируй за собственные деньги.

Не плати управа столь щедро, он бы им высказал всё, что думает... Впрочем, бежать ему всё равно было некуда.

На следующий день Дин Тянь отправился договариваться с хозяином постоялого двора. Общая комната оказалась на удивление просторной: на широком кане свободно улеглись бы и десять человек, а его артель насчитывала всего пятерых. И всё же Тянь-эр выкупил комнату целиком. В стоимость входила и горячая вода, чтобы гости могли умыться и распарить уставшие с дороги ноги.

За полноценную баню, конечно, пришлось бы доплачивать отдельно: по десять медных монет за ушат горячей воды, но для взрослого мужчины такое удовольствие того стоило.

Насчёт еды тоже договорились быстро: кормить обязались дважды в день, утром и вечером. На завтрак — паровые пампушки-маньтоу и узорные булочки-хуацзюань без начинки, зато горячей пшённой каши давали вволю, да ещё подавали тарелочку мелко нарезанных солений. К ужину Дин Тянь потребовал подавать два блюда: мясное и постное. На горячее просил сытную свинину в красном соусе или наваристую тушёную баранину, а из овощей — что бог пошлёт.

За пятерых работников выходило без малого пятьдесят медных монет в день. Сумма немалая, но молодой главный тюремщик не поскупился. Выкладывая монеты, он строго предупредил трактирщика:

— И смотри у меня, без обмана. Среди них едет мой третий дядя. Если прознаю, что кормили

впроголодь или поселили в сырости...

— Побойтесь неба, господин хороший! — всплеснул руками круглолицый, пухлый хозяин постоянного двора, рассыпаясь в угодливых поклонах. — Наше заведение честное, отродясь гостей не обвешивали и не обсчитывали!

Оно, конечно, проезжих купцов обвести вокруг пальца — святое дело, тут уж с каждого дерут три шкуры. Но Дин Тянь, хоть и молод, носил казённое платье и служил в управе. Ссориться с местным стражником порядка из-за копеечной выгоды — себе дороже, живо славу дурную пустит по всему уезду.

Поняв, что молодой чиновник платит исправно и попусту не придирается, обрадованный трактирщик даже расщедрился и пообещал каждый вечер бесплатно подавать к столу миску горячей яичной похлёбки. Пускай на ведро такой жижи уходило от силы два яйца, всё же приятная добавка к скромному ужину.

Спустя три дня у ворот уездной управы показалась долгожданная подвода. Третий дядя Дин Дахэ привёз своего старшего сына Дин Каня и двоих младших сыновей. Вместе с ними приехал и Хромой Дин со своим плотницким скарбом.

Дин Тянь сразу повёл уставших с дороги родичей на постоянный двор.

Королевская Гавань

Постоялый двор Радушного Приема

Общий покой выходил в отдельный, довольно просторный внутренний дворик. Осмотревшись, Хромой Дин одобритительно кивнул и указал на пустые подмости:

— Деловое место. Как лес подвезут, свалим прямо здесь. Тут и обстругаем, и соберём, а уж готовые лавки да столы отнесём в управу. Меньше шума под окнами у уездного судьи будет.

— Вот и ладно, — улыбнулся Дин Тянь. Собственно, из-за этого удобного дворика он и выбрал это место.

Старый мастер тем временем почесал затылок и предупредил:

— Ты только учти, парень: я плотник, мебель ладить умею. А вот дыбы да колодки делать не обучен.

Дин Тянь так и прыснул со смеху:

— Полно тебе, Хромой Дин! Мне нужны самые простые нары, столы да крепкие лавки. Зачем в темнице изысканное убранство? А об орудиях пыток пусть у уездного судьи голова болит, не наше это дело.

Да и вообще, юноша в глубине души надеялся, что эти жуткие приспособления ему никогда не понадобятся. Возможно, сказывалось современное воспитание: Дин Тянь искренне верил, что преступники — тоже люди, у каждого на плечах своя голова. Сила и жестокость не всегда лучший довод. Порой доброе слово, спокойный разговор по душам и простое человеческое отношение способны усювестить оступившегося куда быстрее, нежели калёное железо.

Он хорошо помнил начальника тюрьмы из своей прошлой жизни. Тот был мудрым человеком. Как-то раз он сел потолковать с тремя закоренелыми душегубами, да так задушевно поговорил, что один из разбойников разрыдался прямо на месте и без всяких побоев выложил всё чистосердечное, выдал и сообщников, и места, где припрятал награбленное.

В прежние времена люди в большинстве своём были куда простодушнее. Взять хотя бы Город Нюцзяо: уезд образовали три года назад, отстроили прекрасную управу, а со дня окончания войны в камеры не посадили ни единой живой души. Хотя, пожалуй, лиходеев сюда не везли ещё и потому, что из местных дырявых казематов любой дурак сбежал бы в первую же ночь.

В таких пустых стенах разве что ветер под замок сажать.

<http://bllate.org/book/19387/1997428>